Деф. экз.: отс. обложка с загл.:

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Татаринов, П.
* Морской брак, или Шаг вперед, да два назад
Соч. Петра Татаринова. Спб., тип. Экбертса,
1854.

ХРАБРОМУ ПОБѢДИТЕЛЮ

— 6 —

КРОНШТАДТА

СЭРУ ЧАРЛЬЗУ

НЕПИРУ.

Спб., 1854

Пров. по дублету.

ГРОЗА.

СОВРЕМЕННАЯ ПѢСНЬ

ПРО

НЕПИРА.

Ну, Непирушка, голубчикъ,
Покупай скорей тулупчикъ;
Право *озябешь*! (*)

Вѣдь на Балтикѣ свѣженько,
Береги себя маленько;
А не то умрешъ!

Хоть въ Кронштадтѣ и теплѣе,
Вы же къ Русскимъ холоднѣе;
Такъ не грѣетъ васъ.

Стороною говорили,
Что вы хоромъ повторили;
Что давно ужъ пасъ!

Отъ Кронштадта отступились,
На Аландъ идти рѣшились,
И давай взрывать.

Не готовыя строенья,
Башни, Форты, укрѣпленья;
Дали себя знать!

Но холера помѣшала
Вамъ пріятели не мало.—
Позабытъ Аландъ!

(*) Такъ говорится въ простонародье.—

И давай скорѣй Богъ ноги,
Не попасть чтобы на дроги.—
Потерпѣлъ дессантъ!

Какъ Непиръ не расхрабрился,
Только въ Данію пустился,
Уголокъ искать.

Чтобъ немного оживится,
Можетъ статься—полѣчится,
На зимовку стать.

Рано, рано, протрубили,
Что Кронштадтъ со всѣмъ разбили.—
А онъ все стоитъ.

Смѣло гостя поджидаетъ,
И за медленность ругаетъ;
А Британцу стыдъ!

Честь и слава Англичанамъ,
И Французамъ, басурманамъ,
Заслужили честь!

Сколько рыбы по набрали,
Сколько бѣдныхъ обижали?
Чтобъ чужое съѣсть

Наши Русскіе солдаты,
Въ ремеслѣ вамъ не собраты;
Дѣйствуютъ мечемъ:

Отдадутъ свое скорѣе,
Изъ враговъ кто голоднѣе,
—Это ни по чемъ!

Мы отъ стужи не страдаемъ,
—Веселимся и гуляемъ,—
Молимъ всѣ Творца!

Да хранитъ Онъ Русь Святую,
Не пошлетъ ей долю злую,
Для Царя-Отца!
Врагъ коварный обманулся,
Но теперь уже очнулся;
И впередъ же знай:

Не подъ силу съ Русскимъ драться,
Смѣло можете сознаться.»
Славенъ НИКОЛАЙ!!!

НЫНѢШНІЕ ДРУЗЬЯ.

БАСНЯ.

Бульдогъ съ Лисицей подружились,
Между собою согласились,
Чтобы съ общa звѣрей ловить
Добычу по ровну дѣлить.—
Бѣгутъ стрѣмглавъ въ чужой лѣсокъ,
И жаждутъ лакомый кусокъ
Скорѣе получить
И славный подвигъ совершить!
Присѣли . . . . ждутъ . . . . а стороною,
Преважно, медленной стопою,
Идетъ огромный Левъ.—
—Бульдогъ открылъ свой зѣвъ
Но пятится назадъ.
И встрѣчѣ онъ не радъ!
Лисица съежилась; и въ споръ пустились,
Кому начать изъ нихъ.—«Ты болѣе озлилась»
Кричитъ Бульдогъ: «ну начинай»
Смотри же Льва не упускай!
Вѣдь ты любезная сестрица,
Ловить воронъ премастерица.
Потомъ бы я помогъ!
Нѣтъ, начинай-ко ты Бульдогъ!
Поднялся крикъ . . . а Левъ глядитъ,
Обоихъ жизнію даритъ,
И мимо ихъ прошелъ,—
Конецъ же твой пришелъ.

Бульдогъ ругается отъ злости.
Твои пощупаю я кости,
И только это онъ сказалъ:
Лисицу тутъ же разтерзалъ.

Таковъ и нынѣшній союзъ.
Не наживи бѣды Французъ!
—Смотрите, новые друзья,
Чтобъ не сбылася басня моя!

ЛОРДУ
ПАЛЬМЕРСТОНУ.

Честь и слава Пальмерстону!
Онъ для важности и тону,
Русь себѣ беретъ.

Раздѣляетъ на частицы, —
Мы достигнемъ и столицы:
Въ Митингѣ оретъ!

И Карлуша выступаетъ,
Предъ собраньемъ возглашаетъ:
Я за все берусь!

И Кронштадтъ не уцѣлѣетъ,
Непиръ справиться съумѣетъ,
Лихо подерусь!

Всѣ мгновенно поздравляютъ,
Дружно, хоромъ повторяютъ:
Здравствуетъ Герой!

И Непирчикъ, въ восхищеньи,
Въ винномъ, просто упоеньи,
Самъ почти не свой!

Смѣло въ Балтику пустился,
Въ Брагестадѣ отличился;
Значитъ очень смѣлъ! (*)

(*) Особенно противъ беззащитныхъ.

Но Кронштадта испугался,
И какъ видно догадался:
Что грибокъ онъ съѣлъ.

Пальмерстонъ ошибку видя.
Хотя Русскихъ ненавидя,
Знаетъ безъ затѣй;

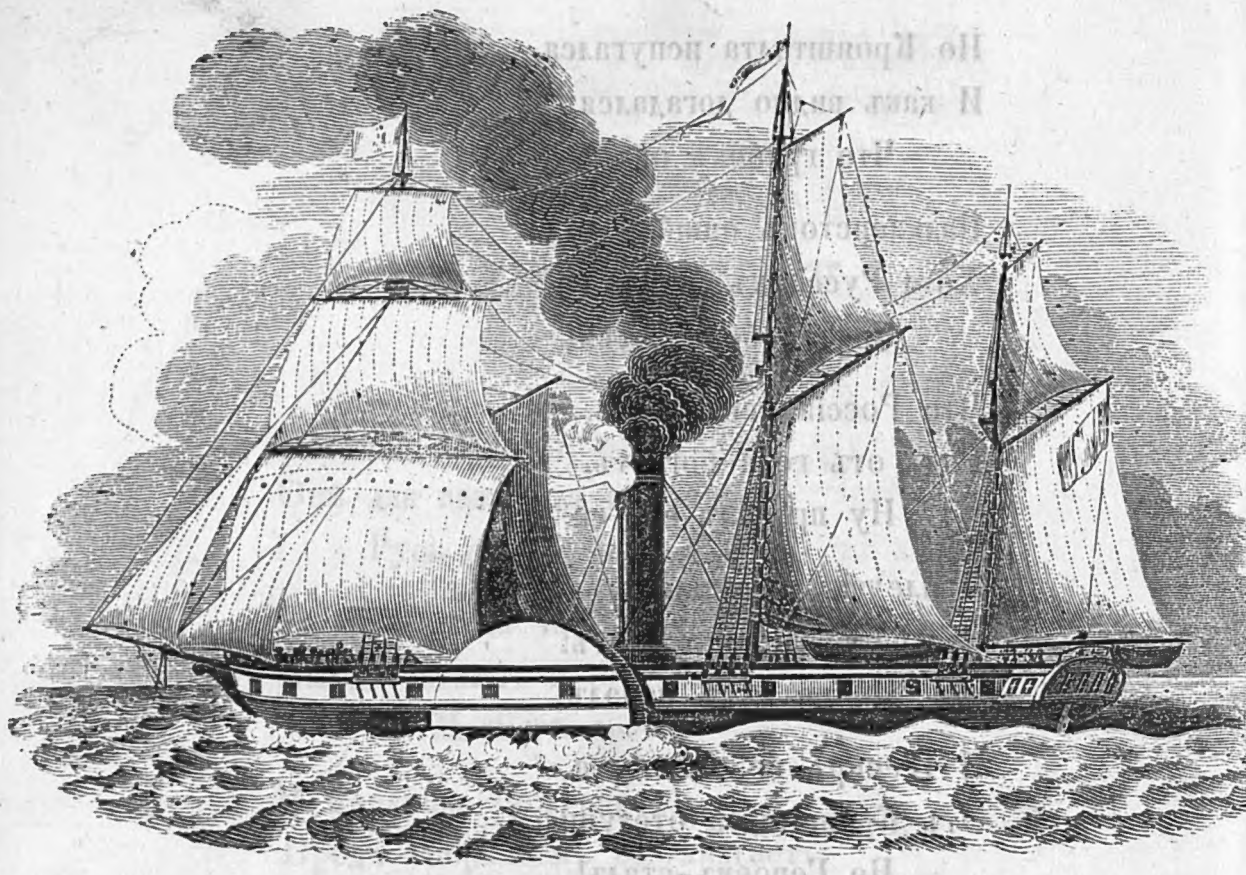
Что Россія неслабѣетъ,
Годъ отъ года богаетъ,
Ну пропалъ ей, ей!

И плечами пожимаетъ,
Часто, часто повторяетъ:
Не на тѣхъ напалъ!

И Непиръ не отличился,
Отъ Кронштадта отступился,
Не Героемъ-сталъ!

Пальмерстонъ же, Лордъ, въ досадѣ,
Что Непиръ теперь въ засадѣ,
Вскрикнулъ наконецъ:

Рѣшено! . . . . . я уступаю!
И невольно возглашаю:
Русскій-молодецъ!



ПѢСНЬ

балтійскаго флота.

Какъ у нашихъ Финскихъ скалъ,
Адмиралъ Непиръ стоялъ.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Руси издали грозилъ,
Лососинушку ловилъ.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Уху славную хлѣбалъ,
Шведовъ лихо обиралъ.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Ему въ Балтикѣ раздолье,
Настоящее приволье.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Эхъ, къ Кронштадту подберусь,
Право славно отличусь!
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки, люли!

И выходитъ что Герой,
Радъ уйти скорѣй домой. —
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Ужъ когда-бы это зналъ,
Отъ Кронштадта-бы бѣжалъ.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Такъ ошибся знать Непиръ!
Русскій славится на міръ.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки, люли!

Ужъ уважимъ Англичанъ
Славно Турокъ-басурманъ!
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

И тогда Непиръ прости,
Ай люлюшеньки люли!
Ай люли, ай люли.
Ай люлюшеньки люли.

ПЕТРЪ ТАТАРИНОВЪ.

Въ типографіи Экбертсъ.

Печатать позволяется, С.-Петербургъ, 10 Сентября 1854 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

Письмо молодаго солдата изъ Севастополя къ матери, писанное надругой день инкерманскаго дѣла.

—

Сюда дожди и непогоды
Летятъ на южный небосклонъ,
Сюда Европы воеводы
Французъ и гордый Альбіонъ,
И Турокъ съ бритою башкою
Подъ стѣны наши воевать,
Пришелъ онъ ихнею тропою
Русскихъ грозно побѣждать.
И всѣ, собравшися толпою,
Не знали что тутъ начинать,
Любуясь нашею страною;
Наконецъ принялись работать,
Батареи возводить,
Чтобъ стѣны русскія громить.

Что ночь, то новы укрѣпленья
Со всѣхъ сторонъ такъ и растутъ,
И русскіе ихъ безъ исключенья
Поутру разобьютъ.
Кой-какъ немного батарей
У нихъ осталось неразбитыхъ —
И пламя потекло струей
Изъ пушекъ неподбитыхъ;
Гранаты, бомбы къ намъ валятся
То въ домъ, то на проспектъ садятся;
Одна тутъ грозно разлетѣлась,
Другая, цѣлая, усѣлась
И сотни ихъ летятъ заразъ —
Вотъ здѣсь чѣмъ подчуютъ у насъ!

Издалеча прикатили
Эти гости къ намъ сюда
И, признаться, поспѣшили...
Да то одно бѣда,
Воды въ ухý имъ не хватаетъ
Да здѣся трудно и достать:
Пускай султанъ хоть присылаетъ,
Да все же нечего лизать;
А провіантъ его найдется
У нихъ довольное число;
А какъ казакъ къ нимъ завернется —

И все очистить подъ гребло.
Русскимъ надо это такъ,
Проучить чтобы зѣвакъ.

Огромный флотъ они прислали
Въ Балаклаву и даже къ намъ.
Да спросите, что же взяли?
Я думаю извѣстно вамъ.
Намъ бурю Богъ послалъ въ защиту
И ихъ порядкомъ наказалъ,
И эту вражескую свиту
Почти всю на мель посажалъ,
Линейныхъ транспортныхъ судовъ
Десятка съ три я насчиталъ,
И съ нимъ фуфаекъ и чулковъ
Довольно въ море Онъ убралъ.
Пускай же помнятъ суевѣры,
Какіе Богъ послалъ примѣры.

А ты, любезная старушка,
Напрасно тужишь обо мнѣ,
У насъ здѣсь каждый день пирушка;
Я живу въ родной семьѣ,
Родные дяди мнѣ — солдаты
И есть пріятели, друзья.
Да ты бъ взглянула что̀ за хваты!

Однимъ словомъ — ужь семья!
Давно ученья здѣся нѣтъ:
Всегда практически стрѣльба;
Въ работу ходимъ мы чуть-свѣтъ
Съ намъ барабаны и труба —
Вотъ какъ мы здѣся веселимся!
Авось, родная, отличимся.

Теперь, матушка родная,
Прошу, молися обо мнѣ;
Чтобъ воля Божія святая
Меня спасала на войнѣ;
Чтобъ послужить отцу родному
Россіи-матушкѣ, Царю
Да и отечеству святому,
А также Божью алтарю;
Чтобъ намъ враговъ и суевѣровъ
По русской модѣ угостить
Во славу дѣдовскихъ примѣровъ
Ихъ изъ Россіи отпустить;
Чтобъ Русь святую понимали
И носу больше не совали.

Они забыли годъ святой,
Когда въ Москву ходили пировать
И грозной насъ пугать войной,

И дѣды твердо стали отвѣчать.
И подлинно отвѣтъ имъ данъ геройской,
Какого лучше быть недолжно;
И теперь, чай, пиръ московской
Они читаютъ осторожно.
И послѣ этой перемѣны
Они, немного погодя
На Островѣ Святой Елены
Своёва спрятали вождя.
И дѣдъ тогда мой отличился,
Домой съ крестами воротился.

И я его хочу примѣру
Послѣдовать, родная:
Хоть умереть, да кавалеру —
На это воля есть святая.
Теперя, матушка, послушай,
Я про себя тебѣ скажу:
Вотъ эта былъ недавно случай....
Я нездоровъ теперь сижу,
Я точно такъ же раненъ въ руку,
Какъ дѣдъ покойничекъ мой былъ —
Легко; да пусть хотя въ науку,
За-то и крестикъ получилъ.
Я хоть рекрутъ, напримѣръ,
А все теперь ужь кавалеръ.

Тутъ Ихъ Высочества стояли,
Гдѣ бомба вдругъ разорвалась;
Они какъ-будто не видали,
Рука моя лишь подалась.
Здѣсь, на долинѣ Инкерманъ,
Сражались мы съ разсвѣту
И десять тысячъ Англичанъ,
Похерили изъ счету.
Французамъ пусть Бородино,
Англичанамъ Инкерманъ —
Для насъ вѣдь все-равно,
Да и они считаются друзьямъ;
Намъ теперя незавидно,
Тому и другому необидно.

Вотъ чѣмъ мы подвигъ совершили
И знать заставили враговъ:
Мы ихъ посвойски угостили
Не ускользнули отъ штыковъ;
А имъ ненравится ужасно
На поединокъ выходить;
А для насъ этакъ прекрасно,
Двухъ-трехъ на штыкъ ихъ посадить.
Я разсказалъ бы вамъ подробно,
Признаться, время не имѣю

Да и рукою такъ удобно
Еще теперь я не владѣю.
Теперь, покудова, прощайте
Извѣстья снова дожидайте.

24 октября 1854 года

ИНКЕРМАНСКАЯ БИТВА У СЕВАСТОПОЛЯ.

Зари не видно за туманомъ,
Не слышно шуму роковаго,
Мертвый сонъ подъ Инкерманомъ,
Лишь ходъ цѣпнова часоваго
Вдали чуть слышно шеберститъ —
То шагъ за шагомъ раздается,
То вдругъ опять онъ замолчитъ
И на грозный штуцеръ свой опрется.

Онъ слушаетъ издали тревоги,
Чтобъ непріятель не напалъ,
Или чтобъ съ лагерной дороги
Начальникъ вдругъ не подскакалъ:
Бѣда — застанетъ задремавши:
Отдать подъ судъ тотчасъ велитъ;
Или казакъ, арканъ свой взявши,
Его внезапно потащитъ.

Мечтаетъ: вдругъ и генералъ
Спросилъ: «ну, все ли слава Богу?»
Солдатъ проворно отвѣчалъ
Что еслибъ чуть — и онъ тревогу
Сейчасъ бы застрѣлялъ.
И генералъ вернулся въ поле
Въ свой лагерь маршъ и поскакалъ,
И не видалъ солдата болѣ.

И онъ опять маршировалъ
То тихо, то проворно;
Какимъ судьбами, не видалъ,
Казакъ и петлю самовольно
Ему на шею затянулъ
И Британецъ онѣмѣлый
Проворно вѣчнымъ сномъ заснулъ,
Заброся штуцеръ свой гремѣлый.

Невдалекѣ потомъ штуцерный
Выстрѣлъ вдругъ раздался
И батальонъ тутъ русскихъ цѣлый
Силъ внезапно показался
И началъ быстро проникать
Сквозь цѣпь бивакъ успокоенный,
Но не хотѣлъ лишь показать
Свой строй, внезапно появленный.

Вдругъ перестрѣлка завязалась
Изъ штуцерныхъ впередъ
И потомъ ужь разыгралась
Артиллерія; и вотъ
Въ англійскомъ лагерѣ проворно
Палатки въ воздухъ полетѣли,
А другія самовольно
На землю, сплюснувши, присѣли.

И вѣсь всполошенный бивакъ
Нечаянной тревогой и нежданной
Кричитъ: «напалъ на насъ Русакъ!
О, лжепророкъ! ты, окаянный!
Зачѣмъ до насъ ты допустилъ?
Взгляни, какъ бьетъ немилосердно;
Онъ тысячи заразъ насъ погубилъ,
А самъ еще почти безвредно.

—«О, турецкой Магометъ и лжепророкъ!
Съ тобой напрасно мы связались:
Худой въ тебѣ мы видимъ прокъ;
Твои поклонники давно ужь разбѣжались.»
«Глупцы вы, Запада народы,
Въ отвѣтъ сказалъ имъ Магометъ
И не въ нынѣшніе годы
Надъ вамъ смѣялся тоже свѣтъ.»

«Много ль лѣтъ прошло тому,
Какъ вашъ союзникъ былъ въ Руси?
Спросите: каково ему
Въ Березинѣ понравилися караси,
Иль не слыхали вы, какъ по Парижу
Головорѣзы (*) ѣздили въ разъѣздъ?
И васъ, я также вижу,
Они посадятъ на нашестъ.

Ихъ командиры не Пальмерстонъ
И не Нэпиръ, хвастунъ балтійскій;
Тутъ Меншиковъ, свѣтлѣйшій онъ—
Вотъ командиръ россійскій,
Не нынче славный онъ герой
И съ нимъ два Князя молодые
При звукахъ битвы роковой
Летаютъ какъ знамена святыя.

Орломъ летали передъ вами,
А вы предъ нимъ, какъ спать ложились,
Поля усѣяли трупами
И отъ орудій отступились:
Тогда вамъ было не до нихъ,
Пошли Господь скорѣй убраться
И турокъ вспомните моихъ —
Надъ нимъ не станете смѣяться.

(*) Союзники такъ называютъ казаковъ.

Ну что же вы, какъ звѣри,
Собравшись съ Запада. Востока
Къ намъ драться прилетѣли
Во славу лжепророка?
Иль Севастополь славный, грозный
Взять вамъ нужно непремѣнно
И русскій флотъ побѣдоносный
Увѣсть иль сжечь такъ откровенно?

Нѣтъ; вы не туда попали,
Изъ васъ не вздумалъ ни одинъ...
Иль вы доселѣ не слыхали,
Что имъ правитъ Константинъ,
Сынъ царскій Князь Великій
И также Меншиковъ-герой?
Охъ вы, народецъ полудикій!
Ужь вамъ ли насъ пугать войной!

Безъ ихъ осмѣлился спросу
Прислать туда огромный флотъ,
Да что-же показать бонтесь носу?
Иль Константиновскій вамъ страшенъ
фортъ?
Вы разъ помѣрялися съ нимъ,
Да счастье ваше, что штиль былъ,
Дымъ облакомъ повисъ надъ нимъ,
А то онъ васъ бы угостилъ!

Довольно, хвастуны лихіе,
Довольно сытости нашли
И ваши славные фрегаты винтовые
Лечиться въ доки ужь ушли,
На сушѣ возлѣ стѣнъ поближе
Настроили вы славныхъ батарей;
Прошу и здѣсь шумѣть потише:
Великихъ двое здѣсь Князей.

Они давно душой и сердцемъ
Принять готовы, гости, васъ —
Пожалуйте; прикажутъ угостить ухою съ перцемъ,
Которая давно сготовлена для васъ.
Напрасно, гости дорогіе,
Себя не помните, что вы,
Ныньче годы небылые
И съ вамъ не геній вѣдь молвы.

Европу цѣлую шагамъ своимъ измѣрялъ
И свѣтъ предъ нимъ весь трепеталъ,
И грозной Руси онъ отвѣдалъ
Съ ней въ дружбѣ быть онъ предкамъ завѣщалъ.
Его потомокъ недостойный,
Племянникъ Лудвигъ Наполеонъ,
Онъ не то что былъ покойный:
Хотя великъ, но не силёнъ,

Фальшивый слухъ распространился,
Что Севастополь въ его рукахъ,
Домъ Инвалидовъ побѣду извѣстилъ,
А потомъ остались въ дуракахъ.
Вѣсть о побѣдѣ разнеслася
Парижъ въ восторгѣ напримѣръ
И крикомъ радостнымъ слилася
Толпа, читая Монитеръ.

И до битвы инкерманской
Заздравный тостъ Парижъ хлебалъ;
Грокъ тамъ былъ хоть англійской,
Но веселья все не предавалъ.
Да адъютантъ, что̀ Канроберъ генералъ
Послалъ въ Парижъ депешу съ вѣстью:
Нечаянно дорогой потерялъ —
Вамъ это кажется и честью.

Стыдитесь, великіе народы,
Кидаться къ выдумкамъ подобнымъ!
Иль вы въ нынѣшніе годы
Пиратамъ пишетесь свободнымъ,
Вы посмотрите на дѣла
Противнковъ своихъ:
Не Франція ли честь имъ отдала
За храбрость и за справедливость ихъ?

Въ разгарѣ бой кипѣлъ кровавой;
Два Князя Руси юныхъ лѣтъ
Дрались съ шумною державой
Стыдомъ омѣтили ей слѣдъ
Въ ихъ хладнокровномъ пребываньи
Среди валящихся снарядовъ
Кипѣлъ, на Бога въ упованьи,
Могучій штыкъ русскихъ отрядовъ.

Сильна Россія и всеславна
Ты при Романовыхъ Царяхъ,
Храбры, храбры они издавна
Въ твоемъ правленьи и въ войнахъ,
Имъ уничтожены всѣ злости
Досель грозящія тебѣ;
При нихъ въ тебѣ зарыты кости
Служившія наполеоновской судьбѣ.

Молись Россія, будь покойна
За Николаемъ отъ враговъ;
Служи и чести будь достойна.
Взгляни теперя на Князьевъ:
На Николая съ Михаиломъ, и потомъ
Молись, чтобъ Богъ ихъ съ высоты
Закрылъ Своимъ щитомъ,
А Царь на грудь достойно далъ Имъ
кресты.

Они достойны бранной чести:
Храбры и хладнокровны.
Пускай же будутъ вмѣстѣ
Теперь они всѣ равны.
За васъ, великіе герои,
Мы всѣ въ минуту ополчимся,
Не уймутъ насъ вражески устои
И мы предъ свѣтомъ отличимся.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 22 января, 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи И. И. Глазунова и Комп.